

ПОЭТ. ПИСАТЕЛЬ. ВОИН

Продолжение. Начало в №5 (194), 2019 г.

**ВАСИЛИЙ РОМАНОВИЧ
ВАВРИК (1889-1970)**

В предыдущем выпуске мы познакомили наших уважаемых читателей с литературными портретами некоторых карпато-русских писателей. Автор этих произведений - легендарный Василий Ваврик, который сам безусловно заслуживает подобного же описания своей жизни и творчества.

Представляем вниманию наших читателей написанные Василием Вавриком портреты героев знаменитой Русской Троицы: Маркиана Шашкевича, Ивана Вагилевича и Якова Головацкого, авторов не менее знаменитого альманаха "Русалка Днестровая". Именно этот сборник, изданный незабвенными тремя талантливыми поэтами, положил начало галицко-русской литературе на родном языке...

Наталья ГАТТАС

РУССКАЯ ТРОИЦА

На пороге письменности занялось новое пламя, когда во Львов на курс философии приехали три студента: Маркиан Семенович Шашкевич, Иван Николаевич Вагилевич и Яков Федорович Головацкий. Все три приехали из деревень, где русское население было господствующим. Вскоре сошлись так близко, что стали друзьями: вместе посещали библиотеки, вместе делились новополученными сведениями и вместе вели оживленные споры и разговоры о судьбах родного народа. Неудивительно, что товарищи прозвали их "русской троицей".

Из этой тройки образовался кружок любителей родного слова в начале 30-х годов XIX века, когда над европейским миром струилась могучая струя новой человеческой мысли, именующая романтизмом. Вышла она от романских народов и неслась на восток, как бурный поток, сметая с дороги сухие, тяжелые, бездушные и малопонятные приемы лжеклассицизма и закосные порядки бездарной и ленивой шляхты. Как шум вешних лугов и лесов, романтизм прервал тишину в университетских стенах и песнями поселян, звуками колыдок и трелью пастушьих сопелок заманил не только молодежь, но и ученых, в село, в гущу крестьянского народа, в живую и неиспорченную природу.

Под влиянием новых кличей Шашкевич, Вагилевич и Головацкий решили трудиться в пользу того народа, который изнывал в польской неволе и состоял частью великого русского народа. Идя за принципами побратимства чешских патриотов, они обратили к нему свои быстрые глаза прежде всего, так как сознавали не только необходимость культурной с ними гармонии, но и необходимость тесного контакта и братского союза. Свои идеи задумали друзья распространять среди своих земляков посредством альманаха п.з. "Зоря". Она-то должна была рассеивать сумерки, подернувшие Карпаты, воскресить славную старину Галича, отражать подвиги галицко-русского народа и поощрять молодежь к усиленной работе на запущенных и поросших бурьяном родных нивах.

Несмотря на то, что "Зоря" пала жертвою цензуры, крепкая воля Русской Троицы все-таки не заломалась, напротив, она еще упорнее стремилась выйти на широкий и вольный путь.

**МАРКИАН СЕМОНОВИЧ
ШАШКЕВИЧ (1811-1843)**

Один из холмов Золочевского подгорья носит название Лысой горы. У ее подножья раскинулось село Подлисье, которое является местом рождения Маркиана Семеновича Шашкевича. В этом селе провел мальчик самые приятные дни своей жизни, оно осталось для него раз и навсегда очаровательной сказкой, сладкой приманкой и тихой отрадой в горе. И неудивительно. Он жил здесь беззаботной и веселой жизнью у доброго дедушки, к которому приезжал затем из Золочева и Бережан на праздники и летние каникулы.

В 1829 г. Маркиан окончил гимназию в Бережанах и переехал во Львов, где записался на двухгодичный курс философии, чтобы после его окончания записаться на богословие... Отличаясь живым темпераментом, Шашкевич сам собою выдвинулся в предводителя молодежи. Прилежное чтение книжек, горячие прения с Я.Ф. Головацким и И.Н. Вагилевичем значительно пополнили его знания. От дебат и совещаний товарищи, прозванные уже "русской троицей", приступили к делу: организовать молодежь, произвести проповеди по-русски и собирать материал для альманаха.

В 1837 г. Шашкевич окончил университет, и его научные исследования прекратились. Он женился и пошел в село на приход. В панцину это была нелегкая служба. Вслед за ним в паре с горькими злыднями тянулась неотступно тень смерти, и 7-го мая 1843 г. в расцвете своих сил на 32-м году жизни погас он, как свеча. Умер певец Подлисья, отец малолетнего сына, почти в нищете...

Литературное наследие М.С. Шашкевича очень скромно. Вследствие болезни и тяжелых условий жизни его талант не успел вполне развиться. Чувствительная лирика - поле его литературной деятельности. Коротенькие стихи несут в себе отпечаток народных песен, из которых он черпал мотивы и поэтические картины: тоска по любви, разлука, горькая доля, сетование на горе безродного сироты. Настроение поэта складывалось под воздействием неизлечимой ханды, но многое все-таки взято из народной песни, которая льется в трогательных и слезных плачах и сетованиях на злую долю. К наиболее жалобным и безнадежным его стихотворениям принадлежат: "Лишая доля", которая словно ядовитая змея вьедается в его душу, "Роспука", которое разрывает его сердце пополам, "Несчастный", за которым постоянно ходит горе и во сне не дает ему покоя. Даже аллегорический первоцвет "Веснивка" дышит глубокою тоскою. В этом лепете, чтобы цветок украсил своей красотой весь свет и в вязын, чтобы не погиб преждевременно от мороза, таится какое-то роковое предчувствие. Только воспоминание о родном "Подлисье" подымает павший дух поэта, но не надолго.

Быстрая популярность Маркиана Семеновича обосновалась прежде всего на его патриотических произведениях, в которых он ударил по самой чувствительной струнке галицкой интеллигенции, придавленной игом панщины. Приняв имя Януша, т.е. Русского, он высказывал то, что подсознательно тлело в русской душе. Этот патриотический подъем обнаружился у него уже в 1833 году, когда он подготовлял материал для альманаха "Руси сын". Его воодушевление усиливалось под влиянием разговоров с Головацким и Вагилевичем и чтения родной истории. Оно поднялось до самых вершин в стихотворении "Болеслав Кривоустый под Галичем, 1139 г.", которое было написано в 1834 г.

Гей, кто русин, подлетайте
Соколами на врага,
Жваво в танец, заспывайте
Песнь веселу: гура-га.

Гей, кто русин, на ратище,
В крепки руки меч ясный,
Шрапка стрела най засвище:
Гордый ляше, день не твий!

У Шашкевича Русь и Украина сливались в одно нераздельное понятие. Из Украины доносится к нему русская песня о том, как лютая татарская орда кормилась русским телом и пила русскую кровь. В иной песенке он гордится тем, что принадлежит к русскому племени и всюю силою слова бьет по шатким выводам поклонников польских и латинских ухищрений. Он возмущен до крайности попыткой Иосифа Лозинского набросить русскому народу польский алфавит и спрашивает: почему вы не любите своей матери, которая вас родила? Почему стыдитесь ее речи? Какое сильное впечатление должны были производить на читателя такие слова Маркиана Семеновича, как: "Вырвешь мне очи и душу мне вырвешь, но не возьмешь милости и веры, ибо русское у меня сердце." Так и следовало говорить в то время, когда Польша всячески старалась выгубить и истребить русское население.

**ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
ВАГИЛЕВИЧ (1811-1866)**

Иван Вагилевич, как почти все галицкие писатели, вышел из священнической семьи, родился 2-го сентября 1811 г. в Ясене Горном, селе стрыйского уезда, где его отец, Николай, был настоятелем тамошнего гр.-кат. прихода. Окрустость над быстрою речкою Ломницею в Карпатских полонинах оставила в чувствительной памяти мальчика глубокие следы... Но пришел 7-й год. Родители отвезли сына в город Бучач в начальное училище, которое было под надзором монахов Василиан. Тяжело шло сначала учение, с трудом приходилось сосредотачивать мысли на предметах, преподаваемых немецкими. Цель все-таки была достигнута. Так как в Бучаче в то время не было среднего учебного заведения, то Вагилевич был переведен в город Станиславов в классическую гимназию, где, по свидетельству Я.Ф. Головацкого, делал хорошие успехи и окончил в 1829 г. 6 классов.

Осенью того же года Иван Вагилевич переехал во Львов, в центр литературного и культурного движения галицкого края. Тут записался на "философию", к которой относился очень небрежно: он просидел на ней вместо 2-х полных 7 лет. Следует это пояснить крайне напряженными обстоятельствами 30-х годов прошлого века: студенческая молодежь просто не имела времени на учение, она была целиком охвачена политическими событиями и романтическими мечтаниями о своем народе. Иван Вагилевич, ум чрезвычайно живой и подвижной, был поэтом и одновременно прилежным собирателем памятников старины. Бесвязными мыслями он блуждал в разных словесных теориях и читал все, что ему под руки попало: и цветистую лирику Мицкевича, и народные песни Вука Караджича, и научные труды Востокова.

В 30-х годах достиг славянский романтизм наибольшей своей высоты и ширины. В то время Иван Вагилевич сблизился с Маркианом Шашкевичем и Яковом Головацким, начал переписываться с зарубежными уче-

ными - Шафариком и Погодиным, и, чтобы зачерпнуть новых сил для своих научных работ, предпринял путешествие по галицким деревням ("пошел в народ"). Вместе с Я.Ф. Головацким он измерил своими шагами далекий путь от Львова до Дикого, где граф Ян Тарновский имел в своей библиотеке много церковнославянских книг и русских рукописей. Потом он сам несколько раз бывал среди гуцулов и бойков и записывал их обычаи, символику, суеверия, диалектические особенности, песни и старину.

Сначала духовная власть относилась к Вагилевичу снисходительно и дружественно. Он получил особую комнату, в которой свободно мог заниматься своими работами, потом однако пошла на него двойная нагонка: со стороны духовного начальства и тайной австрийской полиции. Не обращая на это внимание, он не падал духом, без разрешения в 1835 г. выбрался вторично в Карпаты, чтобы в старых пещерах и руинах найти следы доисторических памятников и славянского письма. Это был мозольный и полный энтузиазма труд, но его не умело оценить тогдашнее духовное начальство.

В 1839 г. Иван Вагилевич окончил богословие, но потому что находился под полицейским надзором и считался неблагонадежным для австрийской империи, не мог получить рукоположение в священники... Однако, с другой стороны, имеем неопровержимые доказательства, что он сам сильно колебался. Перед молодым фантазером стоял тяжкий выбор: риза и село или наука и свет? Последней возможности он предан всею своею огненною душою, ибо отличался горячим увлечением историческими и филологическими исследованиями. Он не знал и не мог знать, что делать с собою...

И вот грянул гром революции с весною 1848 года, ставшего в жизни австрийских славян чрезвычайно важным событием: ярким пламенем блеснуло зарево конституции, зашатался деспотизм Габсбургов, нарисовался решительный перелом: славянские народы подняли бунт против немецкого насилия. Зашевелились и галичане: они организовались, как могли и знали, основали "Русскую раду", создали "Собор русских ученых" в полном согласии с правительством.

Никакая сила не могла задержать Вагилевича в селе... Как отъявленный противник германского напора, нашелся в рядах революционной польской гвардии, подготовлявшей восстание. Польские магнаты-патриоты поручили ему работу над делом примирения русского населения с польскими. Одновременно, когда шли совещания "Собора русских ученых", был образован "Русский собор", органом которого стал "Dnewnyk Ruskiy" во главе с Иваном Вагилевичем. Вскоре дела приняли оборот такой, что он лишился куса хлеба... Польское восстание не удалось, "Dnewnyk" вместе с прочими изданиями был запрещен, и Иван Вагилевич нашелся в до того тяжелом положении, что просил свое духовное начальство вернуть ему приход. Надо полагать, что начальство поступило с ним неосторожно, когда на предложение подвергнуться реколекциям ответил переходом в протестантское вероисповедание, порвав раз навсегда со своим прошлым. Это была глубокая трагедия наболевшей души, которая рвалась, как рыба в сетях, на свободу, но еще крепче запутывалась в нити несчастной судьбы.

Злыдни не покидали Вагилевича уже до самой смерти. Как лев, боролся он с нуждою. В начале 1851 года он получил занятие в Ossolineum, где прилежно стал приводить в порядок библиотеку. Не прошел и год, и его уволили по причине протестантского вероисповедания. Он принужден был заняться корректуру чужих работ, зарабатывая несколько грошей в день.

...Переутомленный и павший на силах, он заболел грудной болезнью и умер 10 мая 1866 года.

Так печально закончил свою горькую жизнь Иван Вагилевич, который своим дарованием мог принести науке большие услуги, а истратил его на корректуру газетных статей и правительственных распоряжений.

УЧАСТИЕ В "РУСАЛКЕ ДНЕСТРОВОЙ" И ПРОЧИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Деятельность Вагилевича началась в 1834 году, когда в духовной львовской семинарии был основан студенческий кружок, названный впоследствии "Русскою Троицею", который подготовил к изданию альманаха п.з. "Зоря". Альманах не вышел из печати потому, что был духовным начальством подвергнут конфискации, но уцелевшие статьи и вирши легли в основу "Русалки Днестровой" - сборника литературных опытов трех галицких писателей: Вагилевича, Головацкого и Шашкевича. То, что падает на долю Вагилевича, можно разделить на оригинальное и неоригинальное творчество. К первому принадлежат баллады и предисловие к народным песням.

Вагилевич написал всего две баллады. Первая их нис п.з. "Мадей" в стихах коломыйки носит на себе отпечаток бойковского наречия с примесью архаичных выражений и рассказывает о романтическом подвиге карпатского опричника, который собрав на Черной горе тысячу смелых товарищей-легиной, готовится к налету на поместье.

На высокой Черногоре
Буйны ветры веют,
На зеленой полонине
Серы волки вьют.

Тысяч коней вороненьких
В байраках ирзае,
Тысяч гарных легиников
Коники седлае.

А ватажко, свийй Мадей,
Зморщив густы брови,
Черны очи заблищали
Та жаждою крови.

В природе появляются недоброе предсказание. Дружина советует Мадею не уходить из гор, но он все-таки отправляется в поход, попадает в плен и в вязынцу, где пропадает от тоски по воле и товарищам.

Вторая баллада п.з. "Жулин и Калина", названная Вагилевичем сказкою, дышит сильной властью музы Адама Мицкевича. Некоторые места целиком взяты из народной поэзии. Банальное содержание этого произведения таково: на Днестре глухая ночь. Бурные волны клекочут грозно. В темноте ходит Жулин, зовет милую, по его вине утонувшую девушку. Однако является другая, красавица Калина, которой Жулин сразу вызнает свою любовь. Вдруг из воды выходит страшная ведьма - первая любовь Жулина и приглашает его в свои палаты на дне Днестра. Юноша отворачивается от нее, и та мстит им обоим. На рассвете найдены на берегу два трупа. Карие очи Калины выплывают ворон, Жулина не касается птица.

"Передговор к народным песням", до наших дней печатаемый в школьных пособиях для гимназии и учительских семинарий, является поэзией в прозе. Вагилевич использовал в нем воззрения романтиков на народную словесность и на ее памятники создал свой идеал и свою веру о родном народе. Поэтическими красками он изобразил древнюю очаровательную Русь, как рай на земле. "Вся Русь была селом райских птиц и диков. Ясни небеса одевали у чистою епанчею. Мир отдыхав любовью. Русский народ був великим и величавым, поразумев, обняв природу, чтив и до сердца пригортов, и був мир, и гаразд, и любовь взаимна", - писал Вагилевич, стараясь доказать, что русский народ в старину жил беззаботною жизнью, везде и всегда напевая свои чудесные былины.

Неоригинальные опыты Вагилевича в "Русалке Днестровой" незначительны...

В 1838 г. появились чешские стихотворения Вагилевича, переведенные из русской речи на чешскую. В польских сочинениях Ивана Вагилевича глубокая и чрезвычайно богатая архивная и библиографическая эрудиция. В них находим весьма ценные материальные источники, указания и выписи, необходимые для изучения славянских племен, их нравов и особенностей.

Одною из крупных работ Вагилевича является "Gramatuka jezuka maloruskiego w Galicyi". В предисло-

ви автор отметил, что материалы к ней стал собирать от 1841 года.

Когда внимательно разберем литературные труды Вагилевича, то придем к заключению, что это был талантливый человек, который упорно боролся за свою личную свободу, совесть, мысль и дело... "У нас е полон (урожай) великий, а нет жнецов," - писал он Погдину 9.VI.1837, сообщая ему, что начал в народе собирать старину.

Наконец, мы должны отметить поэтическое дарование у Вагилевича, которое чувствуется не только в его стихах, но и в ученых работах. Сухой материал никогда не мог увлечь его живой души: из архивной пыли добытый документ в его руках перевоплощался в картину, полную деятельной жизни с чудесными верованиями, хороводами и песнями древних славян.

Он с огнем в очах говорил о Галиче и сохранил к нему любовь и тогда, когда был своими осужден, когда перешел в чужой нам стан.

ЯКОВ ФЕДОРОВИЧ ГОЛОВАЧКИЙ (1814-1888) - родился в Чепели, где не было ни одного поляка. Грамоте научился дома. Среднее и высшее образование прошел во Львове. Непродолжительное время был деревенским священником, с 1848 г. профессором русского языка и литературы во Львовском университете в продолжение 20 лет...

Дух времени был охвачен живою и могучею струею романтизма, когда Головацкий впервые вступил на литературное поприще. Это случилось в 1837 г. Вагилевич, Головацкий и Шашкевич решили во что бы то ни стало издать сборник своих собственных стихов и народных песен. Таким образом знаменитой "Русалкой Днестровской" началась деятельность трех друзей, получившим название "русская троичка". Собрав рукописи, Головацкий поехал искать счастья в Угорщине.

В самом деле его там встретили дружелюбно, "отец славянства" Ян Коллар и в особенности сербы Павлович и Петрович, при помощи которых и появилась "Русалка".

Сердечно простившись с друзьями, Головацкий вернулся через Вену во Львов, где его так нежно взлелеянную "Русалку" постигла страшная участь. Придирчивый цензор Венедикт Левицкий признал ее нежелательной для распространения. Не понравилась она и митрополиту, полагавшему, что книжка нанесет нравственности ущерб некоторыми народными песнями.

"Русалка" была отослана в Вену на рассмотрение главного цензора В. Капитара, который не нашел в ней никаких прегрешений против нравственности, но решительно в ее пользу не высказался.

Согласно публикациям прессы от марта 2008 года, немецкий ветеран Люфтваффе 86-летней Хорст Рипперт, пилот эскадрильи «Ягдgruppe 200», потом журналист, заявил о том, что это именно он на своем истребителе «Мессершмитт Bf.109» сбил Антуана де Сент-Экзюпери (видимо, он его убил или тяжело ранил, и Сент-Экзюпери потерял управление самолетом и не смог выпрыгнуть с парашютом). Самолет вошел в воду на большой скорости и практически вертикально. В момент столкновения с водой был взрыв. Самолет был полностью разрушен. Его фрагменты рассеяны на огромном пространстве под водой. Согласно заявлениям Рипперта, он признался, чтобы очистить имя Сент-Экзюпери от обвинений в дерзостях или самоубийстве, так как уже тогда был большим поклонником творчества Сент-Экса и никогда бы не стал в него стрелять, но он не знал, что

В "Русалке" Головацкий поместил три стихотворения: 1. "Два веночка", 2. "Три туза", 3. "Смерть милых". Два последних - это сербские народные песни. В стихотворении "Два веночка" заметно сильное влияние народной думки. Стих легкий, размер коломыйки, аллегория заимствованная, содержание любовно-сентиментальное. Венки обозначают милого и милую. Первый из барвинка изображает парня, второй из руты - девочку, которая пускает их с течением реки с целью гаданья. Если венки вместе приплывут к берегу, то вернется из далекой Украины ее милый. Это не сбывается, и кукушка поясняет девочке:

В Украине на могиле
Зацвела калина,
Там лежит твой казаченько
Бедна сиротина!

"Русская Троица" пошла разными путями, пошла не произвольно и не случайно. Эти пути были вытоптаны блуждающими и скрещивающимися воззрениями галицко-русской интеллигенции, находящимися под разными культурными влияниями. Головацкий, Вагилевич и Шашкевич романтики и народники, руководимые лучшими чувствами любви к родному народу, разошлись потому, что их родина лежала на распутье. Единственно жизненный путь - это путь Головацкого. Вагилевич совершенно пропал в польской стихии, Шашкевич зачах в провинциализме, и только Головацкий слившись с могучим течением русского руслу преодолел препятствия и трудности и достиг больших успехов.

В 1837 г. появился на последних страницах "Русалки Днестровской" первый его исторический опыт: "Короткая ведомость о рукописях славянских и русских, находящихся в книжнице монастыря св. Василия Великого во Львове." В нем перечислены и вкратце описаны рукописи, которых в монастыре хранилось 24.

Почти четыре года он изучал историю, этнографию и географию своей родины, и плодом этого исследования была "Великая Хорватия, или Галицко-Карпатская Русь", напечатанная впервые в 1841 г. в "Москвитяине". В 1847 г. статья была повторена в "Венке русинам на обжинки", потом она легла в основу предисловия к "Народным песням Галицкой и Угорской Руси".

В теснейшей связи с рассуждениями по языковым вопросам стоит следующий труд Головацкого "Грамматика русского языка" (1849), написанная скоро после того, когда наконец, колеблясь и не решаясь, австрийское правительство назначило его 12 декабря 1848 г. профессором Львовского университета.

Грамматика была написана для нужд гимназий, и нужно признать, что отличалась ясным изложением мысли, толковостью и сжатостью научных оборотов.

10 лет кропотливой работы ушло Головацкому на собрание преимущественно этнографического материала и на публикации статьи. Только на 1884 г. припадает замечательный и выдающийся труд Головацкого "Географический словарь западно-славянских и юго-славянских земель и прилежащих стран с приложением карты", Вильна, 1884.

В предисловии Головацкий пояснил причину появления словаря. Мысль его сводилась приблизительно к следующим выводам: "Топографические и географические названия местностей, принадлежащих западным и южным славянам, подвергав-

лись под владычеством иноплемных народов сильноному влиянию их языков. Иноплемные народы, захватив славянские земли, исковеркали первобытные названия по-своему или устранили их совершенно, заменив их новыми своими названиями. В самом славянском населении, однако, свои старые наименования удержались еще долго или удерживаются и до сих пор в памяти, а в науке возник хаос. Следовательно нужен словарь, который восстановил бы и упрочил древние названия, который принес бы пользу и лингвистам для объяснения фонетики, который был бы пособием для учащейся молодежи, имеющей возможность изучать карты лишь по немецким и французским изготовлениям и который теснее и прочнее связал бы взаимоотношения славян между собою и дал бы всему миру справки о подлинных славянских названиях.

В народе предания славянства, - продолжал Головацкий, - сохранились и чище и прямее, чем в литературных произведениях книжных людей, образованных под иностранным влиянием. Если литературное объединение славян должно быть воплощено в народе и не остаться только мечтой идеалистов, то нам нужно узнать себя, узнать славян, узнать славянские земли, нужно придти к твердому убеждению, что они были, есть и должны навсегда остаться славянами!"

Головацкий привел несколько примеров, как безобразно изменяли немцы, мадьяры, итальянцы и турки славянские названия, как в России, где принято пользоваться зачастую немецкими пособиями, возникли ложные понятия о западных славянах, как вкрадывались ошибки и нередко нелепости не только в газеты и журналы, но и в учебники, карты, атласы и энциклопедические словари. На основании подробного и глубокого ознакомления с карпато-русской этнографией, с семейными обычаями, нравами, заветами и всем бытом, с ношей и говорами прикарпатского населения, которое исключительно называет себя русским (народом руским, руским, русинами, руснаками, веру - русской, а занимаемое ими пространство просто Русью), Головацкий пришел к выводу и убеждению, что в русском народе нет племенного различия, а есть одно русское племя, которое несмотря на свои разветвления и различия исторических и политических путей создало один русский язык с разнообразными наречиями и говорами. К тому же все древние литературные памятники, летописи, дипломатические грамоты, народное творчество, былины, колядки, песни, гайки укрепили в нем убеждение, что нет ни малейшей причины считать юго-западные русские наречия особым языком, который должен, по мнению ученых из украинского лагеря, образовать новый язык и народ. После кратковременного колебания Головацкий выступил против этой попытки, убедившись, что такого рода маневр несет с собою большое горе русскому народу и всему славянству.

Надпись на ленте в венке из живых цветов, привезенном из Львова на могилу Головацкого, кратко, но весьма удачно характеризовала всю его деятельность и все его значение: "Своему Ломоносову - Червонная Русь".

(Продолжение следует)

Кто убил Экзюпери?

был за штурвалом самолета противника:

«Пилота я не видел, лишь позже я узнал, что это был Сент-Экзюпери».

О том, что пилотом сбитого самолета были именно Сент-Экзюпери,

немцам стало известно в те же дни из радиоперехвата переговоров французских аэродромов, который осуществляли немецкие войска. Между тем пилоты Люфтваффе, служившие с Хорстом Риппертом, выражают сомнение в правдивости его слов, что он скрыл факт уничтожения довольно крупного самолета от собственного командования. Исследователи отмечают, что в архивах Люфтваффе не значится такой победы, американские радары не фиксировали полеты неизвестных самолетов, а сам самолет не имеет никаких следов обстрела. Поэтому многие исследователи считают, что основной версией является падение самолета Сент-Экзюпери от неисправности, а Хорст Рипперт говорит неправду.

Сейчас обломки самолета находятся в Музее авиации и космонавтики в Ле-Бурже.

#Экзюпери

1914-Й. ЛЬВОВ.

Воскресный день 28 июня 1914 года выдался во Львове солнечным. Жители отправились на прогулки в скверы и парки, поехали за город. По улицам ходили веселые группы школьников - был конец учебного года, прекрасная погода предвещала приятные каникулы. Руководители украинского движения в Галиции устроили в этот день смотр своих полувоенных формирований, на котором присутствовал наместник Галиции Витольд Корытовский. А вечером пришло сообщение, что в Сараево убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга герцогиня Гогенберг. Новость поразила людей, ее обсуждали, строили различные предположения, но едва ли кто мог тогда предвидеть, какие последствия для них, для Австро-Венгерской монархии, для всей Европы будут иметь эти выстрелы в Сараево...

В понедельник 27 июля "KurjerLwowski" в чрезвычайном дополнении, под заголовком "Война! Первые выстрелы!", опубликовал сообщение Венского корреспондентского бюро о том, что с сербских пароходов на Дунае были обстреляны австрийские войска. В этом же выпуске публиковалась информация об объявлении частичной мобилизации.

28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Начало войны произвело во Львове тем более сильное впечатление, что в Боснии были расположены отдельные подразделения львовского полка №30, коломыйского №24 и злочевского №80, которым первыми предстояло вступить в бой с противником.

30 июля Россия объявила всеобщую мобилизацию.

В субботу 1 августа во львовской прессе сообщалось об объявлении всеобщей мобилизации в Австро-Венгрии. В то же время выражалась надежда на то, что война будет локализована и «военная экспедиция австрийской армии продлится около четырех недель».

Однако в тот же день Германия объявила войну России.

Теперь у Австро-Венгрии, которая являлась союзницей Германии, не оставалось иного выхода, как тоже объявить войну России. 6 августа австрийский посол в Петербурге Сапари вручил российскому министру иностранных дел Сазонову ноту с объявлением войны.

В тот же день российский консул во Львове Николаев получил предписание покинуть Львов. К дому №10 на улице Ясной (ныне ул. Конопницкой), где находилось российское консульство, подъехали выделенные наместничеством четыре автомобиля, с которыми прибыли комиссар полиции и представитель военных. После некоторой задержки, вызванной разбирательством с владельцем дома по поводу оплаты за помещение, консул, члены его семьи и прислуга заняли места в автомобилях, в других автомобилях сложили багаж. Под конвоем конной полиции консул был препровожден на вокзал, а затем поездом, в сопровождении военных выехал к границе, в направлении на Белзек. Со здания, в котором располагалось консульство, сняли вывеску.

На границе завязались первые бои. Экстренный выпуск газеты "KurjerLwowski" от 7 августа сообщал под заголовком "Война Австрии с Россией. Первая победа": «Против России начата война вчера в четверг 6 августа наступлением около Кракова».

***

Еще со второй половины XIX века политическая ситуация в австрийской Галиции характеризовалась, в частности, противостоянием двух национальных движений в среде галицких русинов - русского, стоявшего на позиции признания культурно-национального единства всего русского народа, и созданного ему в противовес движения украинского (укаинофильского), приверженцы которого, в полном согласии с австро-польскими властями Галиции, стремились внушить русинам, что они, вместе с российскими малороссами, принадлежат к совершенно отдельному, не русскому, а "украинскому" народу.

Непримиримая вражда сторонников украинского движения в Галиции к своим же собратьям-галичанам, не желавшим в угоду властям отречься

от идеи русского единства, постоянно проявлялась в злобных напаках, в призывах «завесить кашапское стерво на сухих вербах», в доносах и обвинениях в государственной измене, которые публиковались в прессе и звучали в выступлениях украинских депутатов. На протяжении последних предвоенных лет клевета и доносительство стали особенно широко использоваться галицкими украинофилами в борьбе против русского национального движения в Галиции.

Но политическая и культурно-просветительная деятельность Русской народной организации, осуществляемая в рамках австрийской конституции, не давала законных оснований для применения репрессивных мер против русского движения в Галиции. Попытка разделиться с этим движением посредством проведения показательного судебного процесса по делу С.Ю.Бендасюка и товарищей, предпринятая властями незадолго до войны, завершилась полным провалом. Все подсудимые - активист русского движения Семен Бендасюк, студент Василий Колдра, и православные священники Максим Сандович и Игнатий Гудыма, которые обвинялись в государственной измене, были судом полностью оправданы.

Начавшаяся война коренным образом изменила ситуацию, давая возможность властям и их прислужникам отбросить всякие соображения законности, и не только свести давние политические счёты, но и учинить кровавую расправу над своими идейными противниками.

Уже в день объявления в Австро-Венгрии всеобщей мобилизации, 31 июля, начались аресты галицко-русских политических и общественных деятелей - были арестованы депутат Д.А.Марков, К.С.Черлюнкаевич и Н.Ю.Несторович. На следующий день, 1 августа, подверглись аресту находившиеся во Львове сотрудники газеты "Прикарпатская Русь" К.Н.Пелехатый и Р.А.Гриневецкий, а также управляющий конторой К.Р.Клебер. Издание газеты полиция запретила, а в редакции был произведен тщательный обыск.

4 августа по приказу наместничества была прекращена деятельность обществ "Народный Дом" и "Общество им. М.Качковского". Для управления имуществом этих обществ были назначены правительственные комиссары.

Затем полиция приостановила деятельность следующих "москвофильских" обществ во Львове: "Русская Рада", "Общество русских дам", "Свято-Владимирское Общество", "Союз русских дружин в Австрии", "Русская дружина во Львове", "Общество русских женщин "Жизнь", "Кружок русских студентов-политехников" и "Друг". Помещения всех названных обществ были опечатаны.

Далее последовали уже массовые аресты русских галичан как во Львове, так и в провинции. 8 августа царско-королевское наместничество направило старостам и директорам полиции циркуляр такого содержания:

«Президиум ц.к. Наместничества.

Львов, 8 августа 1914.
№ 18385/пр.
Руссофильская пропаганда.
Циркуляр.
Всем господам ц.к. старостам и ц.к. директорам полиции во Львове и Кракове.

Настоящие напряженные отношения между нашей монархией и Россией требуют энергичной борьбы с москвофильским движением, не скрывающим своих симпатий к России.

Так как сторонники и организации этого враждебного государству движения могут в серьезный момент пагубно повлиять на действия наших вооруженных сил, следует немедленно принять соответствующие меры, чтобы раздавить это движение всеми находящимися в распоряжении средствами. [...]

О всех в этом деле наблюдениях и возможных мерах в каждом отдельном случае следует безотлагательно мне доносить.

За ц.к. Наместника Гродзицкий».

(Глава из книги: Соколов Л. Львов под русской властью: 1914-1915. Изд. 2019)